

Полина Пащенко

Волк и Сокол

6+

Полина Александровна Пашенко
Вадим Алексеевич Королёв
Волк и Сокол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66865348

SelfPub; 2021

Аннотация

Фантазийная зарисовка из жизни Древней Руси. Вольный взгляд на известные всем исторические события.

Полина Пащенко

Волк и Сокол

Источником вдохновения послужили исторические события, известная доля осознанности и неугасимая любовь.

Откуда есть пошла Земля Русская? Кто теперь ответит нам? Мы потерялись в сплетении сказов и легенд, и, пожалуй, что нет в живых тех, кто бы мог нам правду поведать. Но бывает так, что в самые лунные ночи мы вдруг можем узреть их лики, услышать их тихие голоса. Поклонись Роду своему, да познаешь великую истину.

А начиналось всё здесь. Белым платом раскинулся град на берегу гордой северной реки, стал он жемчужиной и отрадой княжеских очей. Нов град, Новгород – как соединились в стройной речи четы, таковым и стало ему имя.

Глава 1. Туманное небо

Имя княжеского Рода пошло от князя Гостомысла, велик тот род да славен. Всех привечают на здешней заставе – и чужь, и мерю, и весь, и мореходов с далекого острова Эйр, чей язык никому не понятен, и варяжских купцов, и греческих торговцев. Тепло в гриднице белокаменного кремля, хоть за окном и неласково. С сотворения мира колышет

здесь студеный ветер волны Волхов-реки, да шумят под стенами городища стройные сосны, выросшие здесь.

Этот лес, точно выкованный из стали, словно символ мудрости этой великой земли. Даже если бы волхвы не поставили капище, не возвели свод храма, всё равно узрел бы каждый на этом берегу лики Богов. Только зазвучит первое «айре», только стихнет последнее «гой», так и явятся взору молящихся все двенадцать покровителей в серебристом сиянии Мати Славы.

На высоком берегу стоял в утро месяца цветня сам князь Гостомысл, держа на руках своего первенца Вадима, которому едва минуло второе лето.

Над вершинами сосен и широким заливным лугом стелился плотный густой туман, который упрямо прорезали тонкие рассветные лучи. Любуясь этим дивом, шептал отец на ухо сыну: «Запомни, Вадим: как заря полог тумана режет, стремясь подарить новый день, так княжеский род борется с врагами Руси, с теми, кто желает лишить эти земли единства и лада». Мальчик улыбался, играя отцовым оплечьем и желая потрогать и саму перевязь меча, да только вот вынуть меч из ножен было еще не по силам. Но всё впереди, он словно знал об этом и одухотворенно поднял лазоревые очи в небо, где и впрямь солнце побеждало, бросая янтарные блики в Волхов.

В это утро князь решил побыть наедине с сыном, вдали от всех прислужников, дядек и нянек. Иногда нужно начинать

день вместе с этой тишиной, вдыхая сосновую смолу, утреннюю прохладу и терпкие ароматы первоцветов.

Гостомысл уже не вел речи о будущем Новгорода, а рассказывал сказку о богатыре Вольге, который живет за горами, за морями, поет песни славные да стережет покой Руси, когда вдруг услышал голос своего старшего дружинника, по прозвищу Буян. Тот бежал из терема к берегу, размахивал руками, казалось, что весть, которую он нёс, летела впереди него.

– Чего тебе, Буян? Не видишь, я с сыном. Не могли что ли обождать, пока в покой вернусь? Ярлы взбунтовались? Цареградцы наши корабли сожгли?

– Нет, помилуй, княже. Не стал бы я своей головой ради дурной вести рисковать, несу весть благую. Второй сын у тебя, крепко стоит престол Новгородский. Подарила нам матушка Семолада радость.

Уста князя озарила улыбка: «Ну что, Вадим, брат твой в мир пришёл. Теперь два золотых сокола багряное древо украсят». И Гостомысл зашагал к терему, Буян пошел за ним почтительным и медленным шагом.

Улыбался молодой отец, благодарил Ладугу-Богородицу, славил свою жену, но помнил он и тёмные дни. Когда-то Гостомысла заставил отец жениться на Семоладе только для того, чтобы соблюсти древний обычай: княжеский первенец должен взять в жены дочь новгородского воеводы. Так пове-

лось в этих землях: княжий Род Богами избран, а воеводу выбирают люди. Куется имя подвигами ратными да делами славными, а затем соединятся оба Рода в единое древо. Пошел тогда юный княжич против отца, заявил, что полюбил дочь одного из дружинников, но пришлось сделать жестокий выбор между чувством и долгом. Гостомысл уважал и почитал свою жену, но любви в его сердце никогда не было.

А тем временем все прислужницы и няньки хлопотали вокруг огромной дворовой бани, где еще несколько дней предстояло провести матери и младенцу до тех пор, пока не будет ему выбрано первое имя. Имя – первая защита, первый подарок от Рода. И странный шёпот шёл о младенце, а именно о том, что на левом плече его было огромное тёмное пятно, как ожог – недобрая мета.

Но никто об этом не думал, ни отец с матерью, ни волхвы, ни слуги на шумном подворье. Ровно на третий день взметнулся над градом вечеровой колокол, и узнали на широкой площади о том, что наречен младший княжич именем Рарога, светлого бога-сокола.

Оба брата, и старший, и младший, были одинаково любимы родителями, в воспитатели им были назначены старший дружинник Буян и новгородский воевода Веловея. Но с самых первых дней стали замечать поразительную разницу между мальчиками, происшедшими, казалось бы, из единого Рода.

Вадим ликом походил на своего отца Гостомысла – светло-лазоревые очи, русые кудри, тонкий и решительный профиль, как у бога-воителя Ильма Кресеня. С самых юным лет был он настойчивым и строгим, упорно учился и грамоте, и ратному делу, но более всего милы его сердцу были охота и стрельба из лука.

Младший княжич отличался от старшего, словно какой-то тайный огонь сжигал изнутри его. Да, был он храбр и ладен, но очи его словно черная молния расколола, волосы словно пепел раньше времени присыпал, а лик точно костром Виевым был опален. Как Чернобог и Белобог были Вадим и Рарог.

Мудрый Гостомысл одинаково воспитал обоих сыновей, но даже в своей душе ответа найти не мог, откуда взялся тайный яд зависти в сердце меньшого. Рарогу ни в чем не отказывали, порой получал он даже то, что еще не по летам ему было, но при этом всегда упорно смотрел на то, что принадлежало старшему брату. Более всего мучим был княжич жаждой славы, власти и богатства.

Рарог доводил до слёз свою мать, княгиню Семоладу, заставлял хмурить брови и смешливого Буяна, и строгого, но справедливого Веловея, а более всего терзал сердце и душу старшего брата. Не понимал Вадим, за что брат порой в гневе ломал его лук, за что осыпал бранными словами, когда он пытался дать наставление, а иной раз мог и вовсе во лжи обвинить. Одной стороной души старший княжич горячо лю-

бил меньшого, а другой чуял недоброе, но старался лиха не будить. Редко их видели идущими вместе об руку, лишь пред ликом отца заключали они друг друга в объятья.

Но не утаить огонь в душе надолго, вспыхнет он рано или поздно, да сожжет всё вокруг. В глубине души понимали это и князь Гостомысл, и воевода Веловея, поэтому с тревогой ждали они того дня, когда Вадим должен будет пройти посвящение в мужи, учиться правлению государством в Изборском городище. Время на месте не стояло.

Глава 2. Зарислава

Веловея был самым верным слугой и сподвижником княжеского дома, готов был жизнь отдать за Гостомысла и его сыновей. Ликом и видом походил воевода на того диковинного богатыря Вольгу, о котором часто рассказывали сказки княжьим сыновьям, да вот только думал воин о том, что пошатнет люд новгородский скоро его силу: не было у Веловея дочери. А обычай был всем известен.

Совсем не желал безраздельной власти воевода, просто не хотел отдавать Новгородскую землю на поругание. В его полках еще были сплошь русичи, а вот у знати уже стали появляться ярлы. Нет ничего страшнее наемного воина, который предан лишь золоту, а не клятве верности и отчизны. Эти жестокие и беспринципные сыны севера прибыли в страну Городов, как они звали Русь, лишь за тем, чтобы искупать в

крови мечи свои, да добыть неправое богатство.

Было у Веловея три любимых сына: Велемир, Станемир и Любомир. Все как на подбор статные, темно-русые. Смотрел отец за их потешным боем в еще одно прекрасное туманное утро, когда с подворья принесли весть о том, что почтила Род воеводин Лада-Богородица своей милостью: в мир пришла красавица-дочь.

Никто долго и не думал, когда пришло время наречь девочку именем – однозначно: Зарислава. Родилась на летней заре, принесла славу Роду. Мати Зари – мать великой воительницы Дивы, бабка всех земных Солнц. Верили, что и эта хрупкая дева скоро соединит оба великих Рода, подарит мир и радость земле Новгородской.

Зари-Заряна-Зарислава похожа была на рассветный луч. На первый взгляд горда и сурова она была со своими кари-ми очами, тугими русыми косами и неизменно прямым станом, но чуть тронет улыбка эти неяркие уста, так и озаряется строгий лик ее мягким ровным светом. Даже в самом детстве был у нее этот строгий, пронзительный взгляд, но стоило ей рассмеяться, как озаряли изумрудные лучи эти бездонные очи, становились они мягкими и влажными, ласкающими весь видимый мир своим ровным светом.

Радость всегда ходит об руку с бедой. В пятой лето от рождения дочери воевода лишился любимой жены Танолели. Четверо детей остались без матери. Веловея старался по-

дарить им всю заботу, всё тепло Рода, насколько мог. Не мог оставаться терем без женской руки, но не могла войти в него и новая хозяйка, поэтому Веловеевичам заменила мать старшая ключница Цветлана.

Старшие братья стойко держались, лишь украдкой ночами отирали слёзы, вспомнив о маме. А вот Зари – малое дитя, сильно тосковала она, горько рыдала. Отвлечь от ее неизбежной тоски могли только добрые Цветины сказки. Нянюшка-ключница длинными ночами сказывала ей и о Марье-Моревне, степной королевне, и о похождениях бога Велеса в дивном Светлояре-городе, и о диковинном коте-Баяне, и Буре-Яге. Но больше всего любила Заряна сказку о Финисте – ясном соколе, представляла она каждый раз, как подобно ясну соколу неизвестный светлый витязь стремится в ее покой, отворяет замки тяжелые, да целует в уста сахарные. Рожденная светом жаждала любви и желала одарить ей весь Род.

Диковинных витязей не раз видела Зарислава на подворье, куда выходила вместе с братьями и отцом, да только понимала, что нет среди них её нареченного, не время для встречи ещё. Зато ей нравилось смотреть, как падали воины на колени, склоняясь в клятве верности, как приветствовали отца громкими криками.

Один раз пожаловали на подворье и ярлы из северных земель. Никто не слышал, о чем говорил воевода Веловой с ними, да только ясно было, что не удовлетворил их просьбы.

Слишком гневно на выходе звучала их речь, слишком сурово сверкали их очи. Зарислава услышала только одно слово: гдан. Она тут же подлетела к братьям:

– Они сказали «гдан», кто это? Вы ведь свейский знаете?

– Гдан – по-нашему воевода. Значит самый главный над всеми воинами, второй человек после князя.

– Гдана. А я тогда гдана? После княгини самая главная?

– Угомонись, Заряна, откуда ты это взяла?

– Нянюшка сказала, что в одно прекрасное лето меня за самого старшего княжича замуж отдадут.

– Отдадут, а пока рано еще, полно хвастать.

– Нет, не полно. Вот помчусь, оседлаю самого быстрого коня и заставлю воинов кричать: «Слава Гдане Зариславе!»

И она подобрала узорчатый подол и побежала к конюшням, только и слышен был вослед голос старшего брата Велемира:

– Заряна, Стожара седлать сама не смей! Собьешь спину ему, отец заругает, а если скинет, то сама потом виновата будешь!

Но уж такой она уродилась: ни окриком, ни делом на место не усадишь. На длинной минуте второго часа уже неслась она по подворью на прекрасном белоснежном коне, которого только вчера преподнесли Веловею в дар царьградские торговцы.

Отец смотрел с высокого крыльца на неугомонную дочь свою, хотел было поругать, да не мог. Все мысли были его

о том, что сбылась мечта, придёт скоро лето, в которое соединятся два великих Рода, не устоит старший княжич перед такой красотой. А что буянит, как дитя малое, так это уйдет, станет верной женой и нежной матерью, по-другому не будет.

Глава 3. Любовь, богами данная

Скоротечны дни пролетая, проносятся они перед очами, как яркий узорный плат, которым взмахнули девы в стремительном танце. Близился Перунов день – жаркая пора для жнецов в полях, волхвов, готовящих святилище к празднику, да юных отроков, которые в эту пору должны получить свой первый настоящий меч, и воплотится их мужская суть перед ликом Богов.

В ночь на второе серпня не спалось княжичу Вадиму, ведь предстояло пройти посвящение и ему. Юношу терзали мысли о том, как должен пройти обряд, что нужно во всем слушаться воеводу Веловея и старшего волхва Стрибожеля, чтобы не ударить в грязь лицом перед будущими дружинниками.

Обряд был известен каждому с самого детства: нужно перейти лес, сойтись с отроками из соседнего городища в потешной битве, затем вброд пересечь по самодельному мосту бурную реку и, наконец, вернуться к капищу и разжечь огонь.

Решено было приготовить к посвящению Изборское городище, которое по традиции всегда становилось уделом старшего княжича, и откуда затем выезжал он, чтобы занять Новгородский престол.

Еще не простерла свои рубиновые ласковые длани матери Зари, а уже стояли отроки плечом к плечу перед воеводой, князем Гостомыслом и старшим жрецом. Вот они – сыны земли Русской, в одинаковых белых рубахах, расшитых громовиками, в тугих очельях, подобранных непослушные кудри. Каждый ждал, пока волхвы обойдут строй, наденут на них кожаные плащи и набросят на плечи шкуру волка. Настоящий мужчина должен иметь ярь и мудрость Велеса, силу, стать и хладнокровие Перуна.

Перед тем, как отправить будущих воинов в путь, произнес князь Гостомысл своё напутственное слово: «Отроки, не посрамите же Род ваш! Долго лелеяли вас матери, пестовали отцы, ныне стать вам княжеской дружиной, опорой и надеждой Родной Земли!» Говоря эту речь, старался он одинаково строго смотреть на весь строй, но втайне трепетало отцовское сердце. Желал князь подойти к сыну своему, обнять да поцеловать в чело, но не время. Гостомысл взмахнул алым платом, и отроки побежали к назначенной цели.

Вадим старался держаться впереди. Хорошо босым нестись по заливному лугу, вдыхая аромат цветов и трав, да вот только шкура – символ Велесовой яри, стала серьезной помехой, когда солнце стало подниматься всё выше и выше,

а затем лучи его и вовсе стали палить во всю мощь.

Юноши знали, что луг нужно преодолеть до полудня, а затем в прохладе леса можно немного перевести дух перед предстоящим боем, заодно и подумать, где лучше ставить на воду плот. Княжич уже представлял, куда поведет их, чтобы будущее войско сумело прийти к капищу быстрее, и в его голове уже проносились картинки последней сцены посвящения, как вдруг шаг его стал замедляться, а взор затуманиваться.

В лес Вадим вступил уже почти без сил, а затем и совсем стал отставать от строя. Отроки неслись вперед, никого не замечая, вошла в их тела та заповедная сила, с которой выходили на врага их отцы и деды, да и в одинаковом облачении все были похожи друг на друга.

Княжич не понимал, что с ним творилось: не хватало дыхания, очелье железным обручем стягивало лоб. Он пытался волей уговорить себя двигаться дальше, понимал, что великий позор ждет его и весь Род, если не сумеет он прибыть к Изборским воротам вместе с другими.

Вадим держался за сосновый ствол, надеясь, что дерево заберет его внезапную боль и он сможет пойти дальше. А попытался вспомнить, что стало этому причиной, мелькнуло в мыслях лишь имя брата. Рарог вызвал его на потешный поединок накануне, а затем как всегда распалился гневом, выкрикивал, что его черед принимать посвящение. Старший брат вначале молчал, затем пытался ответить словами отца,

да отвлекся от своего оружия. В этот момент и получил удар копьем. Вадим тогда не обратил внимания, да и стукнул Рарог не острием, а древком, крови не было. Но теперь после быстрого бега под палящим солнцем это предательское увещье давало о себе знать.

Отроки, кажется, были уже далеко. Как догнать их? Как сократить путь? Где найти силы. Мысли молнией неслись в его челе, когда вдруг на одной из тропок увидел он то, что посчитал почти видением: юную деву с русыми косами в наверхнике с золотым шитьем, которая ехала по тропке на белоснежном скакуне. Неужели сама Додола, жена Перуна, спустилась указать путь? Но нет, всадница крикнула: «Стой, Сивко!». А затем наклонилась собирать цветы у края дороги, и вдруг заметила фигуру в волчьей шкуре. Дева хотела было уже крикнуть «оборотень!», но потом вспомнила, что этой тропой отроки проходят на посвящение, и, очевидно, это был один из них

– Эй, ты что же на месте замер? От своих отстал?

– Стал отдохнуть, затем двинусь дальше.

Вадима поразила неожиданная смелость этой девушки. Всё в ней выдавало, что она знатного рода, но только неясно было, что она делала в лесу одна, да еще на отменном боевом коне.

– Решил видно, что торопиться стоит медленно. Не верь царьградцам, лгут они.

– И откуда тебе о царьградцах известно?

– Было кому грамоте учить.

Но тут ее насмешливое выражение сменилось тревогой:

– Постой, у тебя же кровь. Я сейчас плат достану. Вот почему ты остановился...

– Не трогай, не нужно плата... я не дитя малое.

Но не сумел Вадим продолжить речи, карие глаза с зеленой паволокой пристально смотрели на него, хрупкая длань шелковым платом вытирала кровь, а уста что-то очень быстро шептали. Не мог княжич слов разобрать, чувствовал лишь мягко разлитое по телу тепло, а затем боль и вовсе покинула тело.

– Ну вот... кто-то черным копьём ударил тебя, сердце его завистью черной кипит... Берегись его. В путь тебе пора, вот по той тропе ступай, быстрее выйдешь к полю для битвы потешной. Пора и мне.

Она так и не назвала своего имени, словно птица дивная впорхнула в седло, да исчезла в золотистом сиянии полуденного солнца. Но это сияние так и стояло перед очами Вадима.

Он легко нагнал других отроков, и был самым искусным в рукопашном побоище. Чудилось молодцу, что на краю поля маячит этот стройный стан в золоченых шелках, развеивает ветер чуть расплетенную русую косу. Виделась незнакомка и на другом берегу, когда пересекал их построенный с великим трудом плот непокорную холодную реку. Но вдруг все видения ушли: на пригорке показались лики Богов.

Строгим голосом приказал волхв стать в строй и прика-

зал упасть перед огнем на колени. А сам в это время взял свой меч, подобный тому, что украшает изваяния Перуна и Сварога. Мощный удар жреческой десницы поразил каждого будущего воина, и они недвижимые упали на землю.

Но бескровен был удар, сила лишь в мыслях волхва. Приказал он отрокам пасть во прах, задержал их дух, остановил биенье жизни в челе и сердце. А затем вдруг приказал встать. Упали дети, а встали воины.

С них сняли волчьи шкуры и облачили в кольчуги и новые плащи, дали боевые мечи, а на Вадима старший жрец надел малый венец, венец наследника земли Новгородской.

Войско встало навстречу князю Гостомыслу: развевали боевой багрянец знамён крылья Стрибога, даровал им великую силу Велес, осенил боевой десницей Перун, и вновь благословляла лучами своими Мати Заря, зане теперь и в их дланях дремал священный огонь, который обратят они на защиту Родной Земли.

Отгремело веселье, завершился княжеский пир. Вадим стоял в деревянной галерее и смотрел за реку, где стоял ровным рядом бор. В сумерках сосны казались выкованными из стали, стоящими плотной нерушимой стеной. Мечталось княжичу, что эта стена раздвинется, и выпорхнет, как голубка из клетки та, что встретила ему в полдень, подарила исцеление и невиданную силу.

Юноша и не заметил, как ему на плечо легла тяжелая, но неизъяснимо родная десница воеводы Веловея:

– Ну чего ты здесь полуночицаешь? О чем задумался?

Никак о престоле?

– Нет, дядя...

– Сказывай, о чем, иначе так столбом до рассвета простоишь.

– А ты отцу не скажешь?

– Да что ты такого увидел?

– Увидел я в бору деву в светлых одеждах, с прекрасной русой косой. Восседала она на боевом коне, впрямь подумалось, что сама Дива Дыевна спустилась из Сварги. Но потом увидел я, как спустилась цветы собрать...

Слушал своего воспитанника воевода, и мелькала улыбка под окладистой бородой его, зане сбылось желание его: всадницей той могла быть только дочь его, Зарислава. Милости-вы Боги к великим Родам, даровав в Перунов день первую искру великой любви.

Глава 4. Нити Макоши

Воевода Веловой не стал сказывать князю о том, что Вадим и Зарислава виделись, да еще и в такой день. Он помнил о том дне, в который проходило сватовство самого Гостомысла, чтил и уважал строгие обычаи. Да и старшему княжичу еще предстояло много постичь и познать.

Жизнь вдали от отцова терема – это не одни выезды на охоту, пиры да забавы. Изборское городище стояло мощным

заслоном против любого недруга, который бы пожелал вероломно ударить с севера. Только на первый взгляд казались послушными и дружелюбными все иноземцы, а на деле каждый желал ударить в спину.

Каждое утро Вадим, прежде чем перейти к своим многочисленным делам, вспоминал услышанные в далеком детстве слова отца: «Как заря полог тумана режет, стремясь подарить новый день, так княжеский род борется с врагами Руси, с теми, кто желает лишить эти земли единства и лада». Только вот чувствовал он, что враг не там, за туманной далью, а в отчем тереме – собственный меньшой брат.

Рарог желал идти против всех обычаев: требовал считать себя посвященным в мужи, носил настоящее оружие и постоянно твердил, что Изборск должен принадлежать ему. Не значили ничего для младшего княжича ни мудрые наставления воеводы, ни властные речи отца-повелителя, ни нежные мольбы и слёзы матери.

Именно княгиня Семолада заступалась за Рарога перед Гостомыслом, или думала, что заступается. Меньшой сын был ее светом, ее отрадой, её ослепленному материнской любовью взгляду казалось, что если дать обоим братьям равное, то и не произойдет мятежа.

Князь впервые до конца не знал, как ему быть: в каждом порыве Рарога была искра мятежа. Гостомысл советовался с Веловеем и старшей дружиной, в тереме слышал бесконечные упреки и гневные речи жены. В итоге он решил немно-

го уступить, отдав младшему княжичу во владение одно из охотничьих городищ и разрешив небольшую личную дружину. Рарог поселился в дарованном тереме вместе со своими людьми, среди которых были не только русичи, но и царьградцы, и ярлы. О, как бы малая искра не дала начало большому пожару!

Но колесо года на месте не стоит, казалось, еще недавно шли на поля жнецы, а тут уже золотила осень верхушки деревьев и обширные нивы, близился день Лады. Вот тогда и решили в великом доме, что сватовство старшего сына принесет в терем мир и лад. И князь Гостомысл и воевода Веловея были готовы обручить своих детей, да начать готовиться к настоящей свадьбе. Поддержала Гостомысла его сестра, Умила, она желала уберечь своего единственного сына Ростислава от битв и надеялась, что справедливый и мудрый старший наследник престола не станет проливать родную кровь, создав свой собственный очаг. В жене же как всегда не видел поддержки князь.

Семолада твердила только о том, что если выбрали невесту для Вадима, то пусть выберут и для Рарога, а еще гневно уверяла, что стоит сместить воеводу Веловея, зане желает он достичь тайной власти при помощи руки своей дочери. А еще говорила о том, что Зарислава ведет себя так, как деве не подобает, и ходят слухи о том, что, возможно, и честь её уже потеряна. Но не верил такой клевете Гостомысл и впервые молился не мудрому Велесу, не величавому Перуну, а

хозяйке судеб – Макоши:

– Мати Макошь, защити наш Род, наполни его великой любовью! Да не разорвутся нити судеб наших, да сойдутся они воедино нам во благо!

В конце молитвы становился князь перед божницей на колени и долго-долго смотрел на немеркнущие лампы.

Глава 5. Злат ключ к алому замку

Теплые лучи солнца просочились сквозь слюдяные окошки.

– Вставай, вставай, ласточка моя!

– Полно, Цвета, ласточки на юг уж давно улетели.

– Заряна, вставай, вели подать одеваться, к тебе отец!

И тогда та, что сама нарекла себя гданой, встала с полатей, торопливо кликнула своих девок и стала собираться к встрече с отцом. Зарислава понять не могла, зачем тато решил с утра пожаловать в её покои. Одно из двух: или сердится, или беда стряслась какая. Первого быть не могло: Стожара она брала два дня назад, и Велемир про то никому не сказывал. Второе: неужели ярлы нагрянули, и всех князь призывал в поход?

Но тут дверь отворилась и вошел сам Веловой, и поцеловал дочь в лоб:

– Ну что, гдана моя, государыня! Вели всем терем к вечеру готовить, князь Гостомысл со старшим сыном сегодня к нам

пожалует.

– С сыном...

– Да, княжич Вадим сегодня здесь будет.

– Как это отец?

– Нареченный твой к тебе приедет, Зарюшка! – Цветлана обняла свою воспитанницу.

Зарислава стояла, как вкопанная, забилося её сердце, как ласточка, попавшая в шелковы тенета. Вроде бы и сбывалась её сказка о прекрасном витязе, похожем на Финиста из сказки, но в памяти, словно из глубины вод, восставал и другой образ: светлый лик юноши, на плечах которого была шкура волка. Помнила дева и мягкую волну русых кудрей его, и глубокие лазоревые очи, и шелковые ланиты, от которых тогда оттирала кровь. Был бы он ее нареченным! И поверить не могла дочь воеводы, что ожидает её в этот Ладин день.

Суета царила за теремом воеводиным у Красного Холма: девы готовили поляну к хороводу, ставили шатры, расстилали платы; отроки из младшей дружины возводили потешные ворота, кидали жребий, кому ввечеру стоять в дозоре на сигнальных башнях, осматривали гостевые покои.

В Зариславиной светелке прислужницы сбивались с ног в поисках её любимой ленты, драгоценных колт в виде Жарптицы, фиалкового наверхника, сотканного из редкой царьградской ткани, да рубахи из тончайшего льна с калиновыми листьями по подолу.

Но вот зажглись факелы на воротах, показались вдали княжеские стяги: золотые соколы дома Гостомысловичей, да Изборские знамена сына его Вадима. Воевода Веловой принимал гостей в своей богатой гриднице, затем по обычаю остался наедине с Гостомыслом перед божницей, а затем все вышли к Красному Холму славить великих богинь.

Мысли старшего княжича были подобны реке, которую пересекал он со своими отроками в день посвящения: кто, кто будет ждать его на другой стороне священного кола-хоровода, кто подаст ему румяное яблоко? Он шел на подворье как в тумане, видел, как верный Буян привязал у ворот его гнедого, как выстроились музыканты с жалейками и бубнами на заигрыш, как взмахнули платами девы, чтобы затянуть знакомое «А мы просо сеяли», но все ускользало, убегало, как быстрые воды, пока наконец увидел он такое, отчего его ланиты мгновенно обожгло жаром.

На второй стороне хоровода в ряду дев в пестрых наверхниках стояла она: высокая, с пышной русой косой в диковинном уборе с Жар-птицею. Вадиму казалось, что в хороводе с ними стоят об руку сами Боги, что слышится ему пение матери Славы в облике Алконоста, спустилась с небес сама мать Лада и разливает гостям меда и священную сурьцу. Затрепетало его сердце, когда дева подошла к нему и протянула алое яблоко. Княжич шептал, как в огневице:

– Зарислава... это же ты... твои очи, твои косы, твои руки...

А она лишь улыбалась в ответ, да робко поцеловала в щеку. А затем словно снова всколыхнулась водная гладь. Нареченные оставили шумный пир, верный Буян подвел коней, да мчались они рука об руку вдоль пахнущего смолою и диким мёдом бора.

Мати Лада! Быть в новом доме миру да ладу. Новый дом ладно стесан-возведён, злат ключ к алому замку найдён.

Глава 6. Калинов мост

– Ну пожалуйста! Ну что тебе стоит?

– Нет, Заряна, и не проси. Теперь ты не дитя малое, теперь ты княжескому дому принадлежишь!

– Ну позволь!

– Проси у отца.

Зарислава упрашивала своего любимого старшего брата, чтобы тот взял её на охоту и разрешил как всегда надеть одежды отрока. Велемиру нравились чудачества сестры, но в этот раз дать добро без отеческого слова он не мог. Веловой услышал голоса детей на своих на подворье и крикнул:

– Что там у вас?

– Я и Зари упражнялись на мечах, а теперь она просит поехать на охоту.

– Зарислава, я кому сказал, чтобы ты больше к мечу не прикасалась? Кончилось детство. На охоту поедешь, но в своем уборе, и дальше шатров чтобы тебя никто не видел. И

Стожара седлать не смей, негоже деве брать боевого коня!

Девушка недовольно поджала губы, но склонила голову в знак покорности отцу. Что было делать, уж больно хотелось ей взглянуть на любимого, увидеть, как мчится он сквозь чащу на гнедом коне, как бросает копьё в вепря или тура, как одним взглядом может заставить повиноваться дружину. Ради этого можно вытерпеть и смиренного коня, и зоркий глаз старших, и все запреты, которые теперь сковывали её волю до самого дня вено. Но зато потом её ждала свобода и радость, причем видела всё это Зарислава не в венце княгини, а в тех трепетных минутах, когда сильная десница Вадима скользила по её хрупкой шуйце.

Свежими росами и сосновой смолой пахнет бор, ладаном и мёдом разносится аромат последних трав, кое-где листва с берез и молодых дубков упала, как рассыпанное золото. Ну что за радость ждать в шатре, когда все ринулись за зверем по тропам, и остались лишь несколько караульных. Охота пуще неволи, говорят, вот и древняя воинская кровь шептала дочери воеводы: «беги в такт дыханию и сердцу своему». С именем Стрибога на устах Зарислава выскользнула из шатра, сделала вид, что идет посмотреть на реку. И тут её окликнул Буян:

– Держи, государыня!

Девушка испуганно обернулась, но увидела, что дружинник подвел ей своего коня.

– К мосту правь, там верно уже нареченный твой.

Буян был первым наставником и воспитателем Вадима, годы почти не изменили его: всё такой же высокий да ладный, только кое-где сверкала седина в его густых темных волосах. Знал он, что княжичу именно такая суженая и нужна: статная, храбрая, готовая в единое мгновение стать и силой, и дыханием. С высоты прожитых лет чувствовал он, что именно лад и благодать залог крепкой семьи, сильной страны, мирного неба.

Зарислава привычным движением вскочила на коня, замяв подол обеих рубах, и поскакала в чащу. Затем ехать пришлось осторожно, чтобы не быть замеченной, видела она, как отец ее со следопытами двигался вдоль звериной тропы, слышала рожок глашатая, но внутренний глас указывал, что нужно двигаться дальше. Всадница уверенно поспешила к мосту, как советовал ей Буян, и остановилась перед небольшой поляной.

На краю этой поляны был привязан гнедой, а его хозяин, подняв лук, сосредоточенно целился ввысь. Зари смотрела и думала, как прекрасен он был: сильные стройные пальцы держали тетиву, в очах сверкала весенняя лазурь и мерцали боевые молнии – точно сам Ильм Кресень на землю ступил. Неугомонный нрав ее, однако, был сильнее любого дела и слова, она осторожно соскочила с коня, привязала его и быстрым движением шелохнула ветви несколько раз. Княжич осмотрелся и направил стрелу прям в ветви, но тут вдруг перед ним очутилась его нареченная.

– Ты что! Я же выстрелить мог.

– И что случилось бы?

– Да подстрелил бы тебя вместо веверицы.

– А отчего вместо веверицы, а не вместо горлицы?

– А ты и есть веверица, очи у тебя, как веверицы.

Зарислава залилась звонким смехом, словно серебряные колокольцы в траву упали, а затем вдруг побежала по тропке, Вадим не мог устоять и пустился за ней. Манили его эти карие очи с изумрудной паволокой, хотелось ему тронуть эту пышную косу, обнять этот стройный стан. А она ускользала всё дальше и дальше, словно и впрямь бела веверица с пушистым хвостом по сосновому стволу. Настиг княжич деву у подвесного моста.

Гдана ступила на мост и звонко вскрикнула. Дальше нельзя было бежать, доски колыхались. Она подобрала край платья и осторожно взялась за веревки, в этот момент мост закачался еще сильнее: на мост ступил Вадим и привлек свою горячо любимую к себе на грудь. Наконец нежно касался он этих уст, гладил волны русых волос, выбившихся из-под очелья, гладил хрупкие длани.

Мост Калинов от берега до берега. Охраняют здесь грозные стражи покой земли. Мост – между Явью и Навью, где вершится судьба.

Глава 7. Корд Мары

Всё бы было ладно, да не поехал на ту княжескую охоту Рарог, хотя и посылал ему Гостомysl в терем гонца. Но под вечер вестовые зажгли факелы, а затем все увидели, что за высокими бревенчатыми воротами показались его соколиные знамена. Казалось, приехал, в гости к брату со сватовством поздравить, а собрал дружину, как военный поход. Когда младший княжич сошел с коня, на подворье всё замерло и затихло, все сторонились его тяжелого дикого взгляда. Поговаривали, что такой у самого Вяя, когда тот перед погибшими раскрывает свои очи и зажигает огонь Рока. Но никто не знал, правда или нет, волхвы говаривали.

Рарога приняли в главной светлице с большими почестями. По обычаю он поцеловал руку отца, обнял брата, поклонился своему бывшему наставнику-воеводе и тут встретился очами с Зариславой, стоявшей рядом с отцом.

Дева вздрогнула: этот взгляд словно обжег её. Казалось, что за это мгновение успел он сорвать с неё рубаху и наверхник, раскидать украшения, схватить за русую косу. В этих темных очах и не угадать, что было: страсть, бессильная зависть и злоба, непроглядный мрак. Зарислава думала, не могла она понять, как и какая дева согласится полюбить такого человека. Да и мог ли он сам полюбить? Ведь любить значит беречь, ставить чужое благо превыше своего, но никак не обладать, не топтать неистово живую душу, не надрывать струны её, доводя до слёз. А Рарог со всеми близкими так и поступал.

Ведь сейчас он и минуты лишней стоять не должен был возле неё, а тем более так смотреть. Дочь воеводы – нареченная его старшего брата, и не могло быть по-иному. Однако судьба распорядилась так, что младший княжич неминуемо желал того, что старшему принадлежало: вначале меч вопреки возрасту и порядку, затем личный терем и удел, а теперь вот руку этой красавицы. За столом он чернее тучи сидел, ни единого слова не проронил, не притронулся к медам и сурье, а приказал подать своему старшему дружиннику бочонок царьградского вина.

Старшим в его дружине был Евлампий, раньше звали его Радобером, да вот только в одном из походов на Царьград решил он принять греческую веру. За это его недолюбливали, но за мудрость и храбрость уважали. Это был единственный человек, который знал подход к Рарогу, мог усмирить его внезапный гнев, а иногда и отводил от него беду и наказание. Вот и в этот вечер воин что-то шепнул своему господину, но тот лишь отмахнулся, да гневно сверкнул очами. И вот трапеза окончилась, пора было расходиться на покой.

Зарислава со своей няней и прислужницами торопливо простилась со всеми и поспешила на свою половину терема. Казалось бы: на другой стороне покой, стражи у ворот, да и отцу можно весть любую послать, но тревога не покидала её. Во тьме ей всё чудились эти гневно и по-хозяйски смотрящие на нее темные очи. Но вдруг по галерее раздались гулкие и тяжелые шаги, затем раздался звон стали. Зарислава

вздрыгнула, вскочила с полатей и побежала к дверям: перед ней стоял Рарог:

– Не бойся меня, Дева! Лучше будь моей, не ходи за Вадима. Вдвое больше вено дам, сколько захочешь теремов и храмов в твою честь возведу, всему миру княгиней станешь!

Гдана дрожала от страха, хоть обычно это чувство было ей неведомо, и могла она дать любому отпор, если желала. А тут сковало словно, она попыталась крикнуть, но голос её не послушался. Княжич тянул к ней руку, она пыталась отступить. Но тут подоспела помощь: на порог ступили Вадим и Веловой, которых кликнула няня Цвета, успев выскользнуть из покоя.

Крикнул воевода грозным голосом:

– Остановись! Тебе ли после такого бесчестья зваться достойным княжеского дома? Этому ли тебя учили? Если не покинешь покой, покараем тебя и мы, и Боги.

– Опусти меч, Веловой! Сам уйду... только знай, не будет покоя тебе теперь... Не тому служишь.

Рарог грозно сверкнул очами. Вадим хотел было ударить брата, но был остановлен грозной рукой воеводы. Младший княжич кликнул «сбор» дружине своей, да покинул терем.

Зарислава подняла заплаканные очи:

– Отец, я невиновна, он, как коршун, в покой влетел! Вадим, душа моя, развея страх мой, скажи, веришь!

Она подбежала к жениху, да хотела было взять его за правую длань, но нареченный от неё отодвинулся. Покинул

терем и старший брат, в полном молчании, без дружины, умчавшись в темный бор на своем гнедом.

Не спала этой ночью дочь воеводы. Вначале она продолжала звать своего любимого, билась в отчаянии о полати и стол, затем затихла, да всматривалась в темную слюду окон до самого рассвета.

Да только вот и первые лучи Солнца были к Зариславе немилостивы, пожаловала вместе с ними сама княгиня Семолада, да завела с порога гневные речи:

– Так вот какую ты в мой Род привел, Веловой! Сыновей моих решил лбами столкнуть, позором покрыть имена наши!

– Помилуй, княгиня, в мыслях не было... Все мы Рарога остановить пытались, я о том с Евлампием говорил. Так княжич родной дружины не пожалел ради прихоти своей, всех, что на часах стояли, всех уложил... Евлампия первого.

– Не смей на сына моего клеветать! А ты, ты что здесь стала? Ждала, от кого больше вено? Искала, чьи уста слаже?

– Мати Семолада, не знаю, кто возвел на меня клевету эту! Я не виделась с Рарогом раньше, он сам на трапезу приехал, а потом ворвался в покой.

Тут на порог ступил Гостомysl и мягко взял свою жену за локти:

– Не возводи напраслину на тех, у кого и так горе. Сын наш виноват, а ты никак этого сердцем принять не можешь. Прозрей же, Семолада, прозрей! Веловой, успокой дочь, подумает обо всем Вадим, да вернется. Не зватья мне Князем

Новгородским, если в канун Лельника первое вено не проведем!

Верил в воеводино слово князь, в свою очередь и Веловой был бесконечно предан Гостомыслу. Но что было от того Зариславе, когда наступила её долгая ночь, её зима, словно Марин корд срезал прекрасные цветы и зеленые колосья. Всё замерло, замолчало, укуталось белым снегом.

В одну ночь снился Гдане под самое утро сон, что гонцы принесли от Вадима бересту, в которой рёк он:

– Я простил тебя, нет вины твоей. Жди меня, верная моя, храбрая моя, прекрасная!

Лишь сном оказались черты те, но Зарислава думала: «Вот бы и вправду услышать топот его гнедого, увидеть его алый плащ издали, ответить факелом сигнальным на его знамена».

И услышала светлую молитву её матери Макошь. В полдень приехал Вадим на Веловеево подворье. Вначале они долго совещались о чем-то, а затем вошел княжич в светлицу к нареченной своей.

Дева подняла свои полные тоски очи, но уста её шептали: – Как же ты мог, княже, клевете поверить! Вадим, я ведь тебе перед Родом и перед Богами клялась... Но теперь, коли захочешь – прими, а захочешь – отрекись. Всё будет так, как ты пожелаешь. Только знай, что без тебя нет мне ни жизни, ни мира, ни лада.

– Зари, я к тебе приехал... Прости меня за все слёзы, за

все муки прости.

– Хвала тебе, мати Макошь! Окончилась моя ночь, моя смерть, моя зима!

С этими словами обняли нареченные друг друга, но спустя несколько длинных минут уже рёк Вадим о том, что скоро отправляется в поход на ярлов, которые имели дерзость ступить на северные границы Руси. Зарислава молча слушала его, смотрела в очи, гладила его русые кудри, да потом рекла, что когда он из похода прибудет, то станет сама на место вестового, да факелы зажжет. Не было у нее ни одной мысли ни о поражении, ни о долгой разлуке, ведь если любовь победила даже в такой битве, то и против других врагов выстоит.

Миром правят дочери Ладины: Леля, Жива да Мара. Поделили меж собой коло Года девы. Срежет цветы да колосья корд Марин, да расцветут они заново под дождями вешними да лучами Солнца Красного.

Глава 8. Чертог Финиста

Никто до конца и не знал, зачем это ярлы вдруг вздумали плюнуть в колодец, из которого пили, да пойти войной на те земли, что каждое лето давали им службу, приют и огромную прибыль. Поговаривали, что получили они золото от царьградцев и Рарога, но никто не мог подтвердить те речи.

А в княжеском тереме вот уже вторую девятидневницу

шептались только о том, какой диковинный подарок пожаловал Вадим нареченной своей: ввел её на подворье, точно законную супругу, и заставил самых лучших воинов преклонить перед ней колена и трижды прокричать: «Слава Гдане Зариславе!». А затем объявил, что ей во владение отдана личная дружина во главе с самым лучшим воином – Буяном. Только самых верных мог княжич оставить, чтобы сторожить терем воеводин.

Самому Веловею было пока приказано оставаться в Новгороде, так Гостомысл решил, чтобы было кому осадить Рагога, в случае если тот опять приготовит мятеж, но однако позаботился и о расстановке засадных полков, если вдруг понадобится помощь Вадиму.

Зариславе снова казалось, что наступила бесконечная ночь. Слышала она когда-то от няни о том, что есть народы, у которых тьма приходит на половину лета, но и в этой тьме они шьют из шкур одежды, растят детей, готовят еду, плетут косы. Так и решила дева поступить – переждать долгий зимний поход за вышивкой, прялкой, посиделками в терему. Только вот в дом княжий ступить одна не решалась, княгиня Семолада была как неприступное ледяное изваяние, словом обмолвиться с ней не желала. Но нашла гдана товарища в сестре Гостомысла – Умиле.

Умила хоть и принадлежала к великому Роду, но не было ядовитых ростков гордыни в её сердце. С собой она часто привозила своего сына – Ростислава. Мальчику минуло око-

ло девяти лет, пусть и рвался он в поход с мужами, но в душе был еще совсем дитяtko. Особенно по душе ему были Зариславины сказки, которые часто рекла она долгими вечерами в своем покое:

– И решили злые сестры извести Финиста-сокола, да обили покой кованым железом, утыкали гвоздями пороги.

– Сестрица Зарислава, а у Финиста меч-кладенец был?

– Был, мой хороший, был...

– С волком на рукояти, как у братца Вадима?

– Не знаю, золотко, не слыхала.

– Ну ладно, что дальше было?

– А дальше случилось так, что бился-бился Ясный Сокол крыльями в двери кованые, пруты железные, но пройти не смог, и остались там лишь капли его крови, да золотое пёрышко. Прибежала Лелюшка, плакала слезами горячими, да вдруг сказало ей пёрышко: «Ступай, Лелюшка, в кузнию, прикажи изготовить три пары сапог оловянных, три посоха медных, да три шапки железных, да иди по свету, ищи Финиста».

Тут в покой постучали.

– Погоди, Ростиславушка, ответу слугам, тогда доскажу.

На пороге стоял Буян, и казалось, был он белее плата, который выткала недавно Зарислава на алтарь Лады-Богородицы.

– Беда, государыня! Береста пришла, что ярлы прорвались сквозь рубеж, дали лютый бой. Наши отбиться сумели, засадный полк в подмогу вызван, да вот княжича Вадима отыс-

кать не могут, не ведают, ранен он, али голову свою где сложил.

– Лгут, Буян! Лгут, жив Вадим... Жив, отыщется.

Она стала повторять эти слова, повысив голос, на что вышла Умила из покоя, приказав няне Цвете увести Ростислава и досказать легенду.

– Мати Умила! Что они говорят, я не верю!

– Зарюшка, успокойся. Слезами всё равно не поможешь.

Молись, молись, и вернется он.

Но минула неделя, а вестей всё не было. Воевода был отозван навстречу врагу вместе с одним из засадных полков, а за теремом и другими войсками поручил следить своим сыновьям. Не зря он их так нарек: Велемир повелит, и будет мир, Станемир силою своей всё в покое удержит, Любомир всех благости да ладу научит. Больше всего на свете братья любили свою младшую сестру и очень горевали, что не могли в эти черные дни умалить печаль её.

В одно холодное снежное утро стояла Зарислава в деревянной галерее и вспоминала: «Ступай, Лелюшка, в кузнию, прикажи изготовить три прута оловянных, три посоха медных, да три шапки железных, да иди по свету, ищи Финиста».

– Да я же... я же обещала взойти на башню вместо гонца, звонить в колокол, взметнуть факелы. Вот встану я, зажгу огонь, да станет он светочем нашим полкам, возвратятся они на родную землю.

И как была она в тонкой рубахе, узорчатом наверху-

ке, без сапог – так и взметнулась, словно белая лебедь, к сигнальной башне. Дружина, стоящая на подворье, застыла, словно сам Вий им всем в очи глянул. А их госпожа тем временем вспорхнула по лестнице, зажгла факелы, да принялась кричать, громче глашатая:

– Сюда, сюда, родные полки! Скачи ко мне, мой княже, с победою! Ждет тебя твоя нареченная!

Но из-за туманного бора ни одного знамени не показалось, а где-то далеко слышался голос Велимира:

– Зари, Зари, что ты удумала, слезай.

Но дева уже ничего и никого не видела, ей казалось, что нареченный скачет к ней, что увидела она вдали алый плащ и алый стяг.

Не помнила Заряна, как её уже почти бесчувственную сняли с башни, как отнесли в светлицу. С ней сделалась такая огневица, что думали, что скоро проводят дочь воеводы в Ирий. Но недуг стал отступать, а к зимобору прилетели и первые радостные вести: вернулись с победами полки.

Зарислава получила вести и от няни Цветы, и от Буяна и решила, что, во что бы то ни стало, сама выйдет встречать нареченного. Несмотря на то, что едва стояла на ногах, приказала достать свой лучший убор, а в полдень вышла к трапезе. Дева задрожала от волнения, увидев Вадима: те же лазоревые очи, те же русые кудри, только стан тоньше стал, черты заострились – нелегко ему эти месяцы дались. Ей хотелось поцеловать его правую ладонь, крепко обнять, оросить сле-

зами, да вот только пришлось довольствоваться одним поцелуем у порога, который был положен по обычаю.

Исходила Лелюшка много разных дорог, стерла все сапоги оловянные, изломала все пруты медные, порвала шапки железные, была в покоях Бури Яги, в королевстве чужом, да нашла наконец своего милого Финиста. Целовали они друг друга в уста сахарные, вели речи медовые, жило благо да лад во чертоге том.

Глава 9. Вбóроны и жаворонки

Всю ночь Зарислава не могла заснуть, вспоминала, как робко коснулись её ланит эти прекрасные, на лепесток роза-на похожие губы, да словно жаром обожгли, как затрепетали её пальцы от того, что легла на них сильная верная длань. Чудилось деве, что снова стоит она со своим нареченным на шатком мосту и в крепком объятии чувствует тепло родного тела даже сквозь корзно и рубаху. Оседлать бы Стожара, помчаться бы как ветер в Изборское, да вот только недоставало еще сил удержаться в седле. На помощь, как и всегда, пришел Велемир.

– Братец, скучно мне одной в тереме... По воле соскучилась.

– Знаю я, где твоя воля: за сосновым бором под алыми стягами.

– Скажи, что с вестью от отца собрался, а меня отроком

обряди.

– Зари, мало тебе бед! Никакого оружия и чужого платья, в своем уборе поедешь со своими девушками. Заклички весны скоро, вот и будем дни радостные встречать вместе на одном подворье.

Сказано-сделано. Собраны были дети воеводины в дорогу с великим отцовым благословением. Заряна просто светилась от счастья, и сияние это не оставляла сомнений в том, в честь кого это дева была наречена.

А зимобор в то лето выдался ранний да дружный: быстро сходили снега, бурно и гулко текли воды, грозясь затопить поселения, стоявшие в низинах, из-под проталин узорчатым ковром вставали первоцветы. Словно, как в те времена, когда Ярило жаром тела своего растопил злую волшебницу Зимцерлу, словно весёлая и румяная Жива гнала из Яви загостившуюся сестру свою Мару.

Изборское сильно изменилось перед праздником: из сурового рубежа, пристанища самого смелого воина превратилось оно в уютное говорливое подворье, на котором пекли праздничные хлебцы, готовили площадки для игр, выбирали место для будущего терема, где будут жить молодые после главного вено. Впервые здесь зазвенели девичьи голоса: к приезду Гданы из Новгорода были присланы служанки. А сам гостеприимный хозяин нетерпеливо расхаживал в ожидании своих дорогих гостей.

Вадим знал всё, что касалось боя, мог с успехом управ-

лять любимым градом и любимым уделом, но эта предпраздничная суэта его немного пугала. Он с самого детства не очень любил заигрыши и хороводы, помнил не все народные обычаи. И сейчас ему с одной стороны было радостно, а с другой тревожно: угодит ли он своей прекрасной нареченной, не будут ли скучать на его подворье, сумеет ли он, как настоящий князь, потешить народ?

Но время шло, да показались вдали изумрудные стяги воеводы, и дружинники торопливо отворяли ворота. Вокруг раздавалось:

– Слава княжичу Вадиму, господину нашему! Слава гдане Зариславе! Князю Гостомыслу и воеводе Веловею слава! Слава великому граду Новгороду! Гой!

Зарислава, словно ласточка, выпорхнула из своей крытой повозки, да стала по правую руку Вадима. Первые Жаворонки были их собственным началом весны, им ясные лучи Ярилы освещали путь. Княжич сдержанно улыбался, благодарил свой народ, указывал гостям на приготовленный для них покой, а затем ждал всех к трапезе и главному празднику.

Жаворонки – праздник, когда самое главное проходит не среди волхвов на капище, а когда сами люди чувствуют радость и обновление в душах своих, в светлой и безмятежной гармонии соединяются с миром Светлых Богов, из Ирия пришедших.

У Красного Холма поставили древо, украшенное лентами, вокруг которого все пустились посолоною и звонко за-

пели заклички:

Жаворонки, жавороночки!
Прилетите к нам,
Принесите нам лето тёплое!
Нам зима надоела,
Весь хлеб у нас поела,
Всю скотину поморила.

Птички-птички, невелички!
Прилетите к нам,
Принесите нам Весну теплую,
Лето плодородное.
Весну с дождем,
Лето с травами.
Весну с солнышком,
Лето с зернышком.

Жаворонок, жаворонок!
На тебе зиму, а нам лето!
На тебе сани, а нам телегу!

Затем головастых и крылатых печеных жаворонков девушки и молодые жёны раздавали дворне и детям со словами: « Вот и прилетели, на голову сели!»

А затем молодежь стала играть в быстрый бурный ручей:

Благослови, мати,
Ой, Лада мати,

Весну закликає!
Зиму провожати!

Гой! Вешние воды!
Топите снег, Яриле в подмогу!

Каждый, по обычаю должен был остановиться со своей парой, и вот настала очередь Вадима: он стоял у «истока» ручейка сосредоточенный и немного растерянный, пока не кликнули ему:

– Пожалуй, княже! Сыграй же с нами!

И он пошел быстрым шагом сквозь этот дивный коридор, в котором поднятые стройные руки дев напоминали арки тесовых воротец, а затем почувствовал, как кто-то тянет его за корзно. Княжич поднял голову и увидел Зариславу:

– Или не меня выберешь?

Вадим смущенно опустил глаза, затаил улыбку и взял свою нареченную за запястье, затем они стали самой первой парой.

После игрищ все пожаловали к трапезе, а затем снова вернулись к Красному холму, чтобы увидеть, как спустят по нему огненное коло – символ того, что дитя-Коляда превра-

тился в сильного и смелого воина Ярилу и готов помогать людям согреть грудь земную к первым посевам.

На этот раз княжич к люду не спешил: он стоял в стороне, смотрел, как водят хороводы вокруг костров. Зарислава ушла в покои переменить платье, а её нареченный тем временем вслушивался то в тишину, то в звон жалеек, да посматривал то на провожающий зиму народ, то на пламя, взметнувшееся ввысь. В душе Вадима царило абсолютное благо, ему казалось, что он готов подойти и обнять каждого. Вдали кружились девушки в быстром хороводе, его внимание привлекла одна, непохожая на других – высокая, с густыми рыжими волосами, в пестрой понёве и зеленом наверхушке. Думал княжич: вот вроде и хороша, и голову вскружить красой своей может, а нет той стати и того огня, что есть у моей нареченной. Между тем кто-то хлопнул его по плечу – позади стояла Зари:

– На кого смотришь, княже?

– Смотрю на то, как огненное коло с горы спускают. А расскажи-ка мне, Зарислава Веловеевна, как ты мне факелы на башне зажигала да глашатаем была!

С этими словами он взял её за стройный стан и поднял над собой.

– Ярче Солнца зажигала, да славилась имя князя будущего.

– А на битву ты со мной пошла бы?

– Переделалась бы в отрока, да пошла бы, под твои знамёна стала бы.

– Нет, Гдане Зариславе нужны своим знамёна. Веверица у тебя на знамени будет, веверица!

И закружил княжич нареченную свою, и казалось ему, что само огненное коло весны отражается в её прекрасных очах. А тем временем на них украдкой смотрела та, из хора – старшая ключница Радомара. Никто и не подозревал, что среди жаворонков говорливых прилетел на подворье черный ворон. Эта дева была Рарогом подослана, и не для благого дела.

Берегись черного ворона, лебедь белая! Бьют своими хрупкими крылами жаворонки – ведут битву против туманов, сыновей Мара да морока-кошмара.

Глава 10. Виевы внуки

Не спалось в эту ночь Вадиму в своей светлице. Вроде бы и дни еще не стали ощутимо длиннее, и не будили звонкими трелями соловьи, но мыслям в челе было тесно, а перина казалась неуютной и душной. Он встал с полати и кликнул стражу у дверей, чтобы ему принесли кувшин сбитня. Один из караульных отправился за кем-нибудь из прислужниц.

Княжич открыл ставни и рассеянно смотрел на факелы из темноты своего покоя, как всегда делал в детстве, пока слушал сказки тетки Умилы. Но тут от любимого занятия его отвлекли незнакомые торопливые шаги и скрип входной двери. Вадим обернулся и увидел, что на дороге стояла Ра-

домара.

– Пожалуй, княже.

Она протянула ему кувшин.

– Отчего ты сама явилась? Могла же кого-нибудь из девок послать.

– Не спится мне, княже.

– Отчего же?

Сын Гостомысла и сам не понимал, зачем ведёт разговор с этой странной девой. Особенно ему не нравились её глубокие темные очи: они словно бы и манили к себе, но не было в них ни капли света.

– Жарко мне, ой как жарко. Вот здесь, где Лада...

Она стала прикасаться к левой груди своей, продолжая смотреть своим чародейным взором, а затем потянула свою длань вдруг к деснице Вадима. Но тут княжича словно водой студеною окатило, и, борясь с мороком, крикнул он:

– Выйди немедленно!

Радомара вышла. Мысли в челе её были самые коварные:

– Сегодня меня княжич выставил, но однако и не подал виду, что накажешь. Умоешься еще слезами, Зарислава. Всё сделаю, как Рарог, господин мой единственный, приказал!

Но в глубине галереи натолкнулась она на княжескую нареченную. Дочь воеводы речей её не слыхала, но недобрым веяло от ключницы:

– Где была ты в такой час?

– Княжич наш сбитню пожелал, вот кувшин ему отнесла.

– А отчего ты, а не кто-то из дворовых?

Радомара была настолько опьянена своим, как ей казалось, успехом, что дерзко ответила:

– От того, что за мной в покой послали.

И поспешила вперед, не поклонившись.

У Зариславы закололо сердце:

– Неужели, неужели она не единственная, и ей придется терпеть горькую участь жены, которую терпят в доме лишь по обычаю? Нет, не может быть так, не такой мой Вадим! Ведь он даже тогда еще не знал, кто я... и как смотрит на меня... и как речи его искренни. Это боль мне толкует дурное... Мати Зари, помоги мне лучами твоими увидеть истину!

Неспокойна была ночь гданы в Изборском тереме, всё бо-ролась она с неправыми мыслями, да целовала шелковый плат, подаренный нареченным.

А нареченный её тоже не мог глаз сомкнуть. Понимал Вадим, что хоть и манит Радомара, и кружит голову, да нет блага и истины в этом. Истина в той, что его из похода ждала, что факел для него поднимала, когда другие были готовы Краду зажечь. А это – морок, причем явно недобрыми руками в его светлицу приведен. Кому же сказать об этом, кому душу открыть? Воеводе или отцу – стыдно да совестно, а вот тётка Умила помочь бы могла. Старшему княжичу была она вместо матери, так как Семолада не питала особой любви к первенцу своему. После рождения Рарога Вадима до пято-

го лета воспитывала она, пока наконец не получила то, чего желала – мужа-воина и долгожданного сына.

На рассвете Вадим отправился в Умилин покой, да обо всём поведал, только наказал Зариславе ни о чем не рассказывать, не желал её напрасных слёз. Но двумя длинными позже после ухода княжича пожаловала и его нареченная, да рассказала о том, что ночью видела.

Сестра Гостомысла успокоила деву, а сама позвала старшую ключницу к себе, повелела принести нити для нового шитья. Радомара явилась пред её очи, и не мог от видавшей виды Умилы ускользнуть оберег черноризцев, который старшая ключница забыла запрятать под рубаху. Обо всём было доложено Вадиму, затем Радомару выслали, но из осторожности повелели гонцу сказать княгине, что дева эта не выполнила в тереме свою работу, неучтива была к гостям.

Семолада до конца об этой деве ничего не знала, и лишь отправила в терем другую ключницу, а Радомару же сопроводили к брату, откуда она отправилась в терем Рарога.

Брат носил имя – Радомар, зане были рождены они в единый день и единое лето, а теперь вот оба решили послужить неправому делу, лёгким путём добиться непрочной славы да проклятого богатства.

За невыполненное дело был с ними в этот вечер Рарог очень суров:

– Ты же мне клялась, что сумеешь разлучить Зариславу и Вадима!

– Мне Умила помешала... Да и сама гдана, кажется, что-то подметила.

– Как могли они?

– Княже... видать я оберег свой убрать забыла.

– Что? Да я тебя плетьми!

Тут вмешался Радомар.

– Не лютуй, княже, пощади сестру, молода да горяча. Скоро обучится осторожности.

Рарог задумался:

– Если проявить гнев свой сейчас, то перестанут мне слушать, не станут помогать. У ярлов лишь мечи, а в них сила, которая поможет отвести любой меч.

И после раздумий своих заявил:

– Хорошо же. На первый раз прощаю. Не смогли разлучить, так сделайте так, чтобы дочери воеводиной этот свет не мил стал, чтобы во тьму обратились дни её! И лишите сил Вадима!

Черноризцы склонились к ногам своего господина, да побежали за советом к старшим своим на капище Чернобога. Туда являлись они тогда, когда его покидали жрецы, зане сами были гораздо темнее душой и презирали все обычаи в своем служении.

Гой, русичи! Все мы внуки Божьи! Роду служим, Богов славим! Есть средь нас внуки Дажьбога, есть внуки Виевы, исток не сразу угадаем мы.

Глава 11. У стен Светлояра

Пролетел, как сон зимобор: растаяли снега, стекли воды в реки, зазеленели первые травы. Продвигалось время к цветению. На княжеском подворье в Новгороде и в Изборском тоже словно всё расцветало: собирали редкие диковины к будущему вено, достраивали терема, зазывали богатых гостей. Не обошла праздничная суета и подворье воеводино. Зарислава по обычаю должна была собрать подарок нареченному своему в ответ на вено. Подарок тот был нехитрым: сотканный ей пояс, несколько вышитых рубах, да гребень, коим она одна сможет вечерами касаться прекрасных кудрей его.

Дочь воеводы очень старалась, рядом с ней не было матери, чтобы дать ей свой последний наказ. Ушедшая к Роду Танолеля смотрела с небес на своё ненаглядное дитя, а в Яви ей помогали советом няня Цвета, да изредка приезжала Умила.

Зари твердила себе: хоть и княгиня, а всё должна уметь лучше всех, ведь негоже князю моему быть в худой рубахе. Вдруг ей вспомнилось, как проходило её посвящение в девы, когда посреде светелки её посадили на высокий помост и подарили первую иглу, первую прялку и веретенце, а затем вплели в косу новую ленту. Няня Цвета шептала ей на ухо: Запомни, Зарюшка, иголочкой своею ты весь Род от беды убережешь, коли пожелаешь. Размером она должна быть с длань твою, чтобы нить могла чрез неё твою силу впитать, а знаки Богов на полотне любую беду победить помогут.

И Гдана брала в руки иголочку свою, да выводила на рубахах молвинцы, помогающие усилить и донести до подданных любой приказ, громовники, оберегающие от злых сил, сварожичи, дающие ключ к мудрости Богов, чароврат, обращающие в прах темное колдовство, цветки папоротника, укрепляющие суть и дух. Такая рубаха – крепче брони, и в бою уберезет, и силу, и радость подарит.

Свой убор же убор расшивала она листьями калины, образамы Мати Макоши и Рожаниц, да крестами Лады-Богородицы. Думала дочь воеводы, какие подарки будут в её вено: наверняка диковинные камни, царьградские ткани, соболиный мех, да положенное по обычаю новое зеркало. Зеркало – символ новой жизни её, в своем Роду она угаснет, зато в Роду мужа засияет заново. Но самым главным даром считала Зарислава для себя не венец княгини, не славу и богатство, а любовь, благо, мир и лад, что будет хранить она навеки в тереме мужа своего.

Первое вено было назначено на Живин день, торопились всё закончить вовремя. Злые языки говаривали, что мол негоже вено играть в пролетье, на что князь Гостомысл отвечал, что великому Роду в самый раз.

И вот в один из чудесных солнечных дней Зарислава собирала наконец заветный сундук в Изборское. По обычаю она не могла передать его сама, поэтому снаряжала в путь гонцов. Девушки укладывали рубахи, а Умила торопливо советовала, как заговор прочитать над каждым оберегом, когда

вдруг сын её воскликнул, взяв в руки печать Велеса:

– Матушка, сестрица, что это?

Дочь воеводы ласково отвечала ему:

– То могучий знак Велеса, золотко.

– А отчего в нём ландыш?

– Потому что Велес в ландыш обратился, когда увидел у стен Светлояра-града прекрасную Диву Дыевну. А потом был богатый свадебный пир, какой никто ни из Богов, ни из людей не видывал.

– А Ярила Вешний сын Велесов?

– Да, золотко.

– А Дажьбог?

– Дажьбог – сын Перуна. А Дива-Додола внучка Зари, мать всех Солнц.

– Тогда и ты Бога Роду подаришь, ты же в честь мати Зари наречена.

Уста гданы озарила светлая улыбка, чистый и невинный глас сулил ей счастье, знать довольны ей были Боги.

Наконец, всё было собрано и уложено в Изборское. Зари-слава загрустила, ей не терпелось хоть разок увидеть Вадима, хоть издали. Она знала, что никто не позволит ей покинуть терем, никто в этот раз не будет её сопровождать. Единственным решением было – седлать коня самой, да поехать в Изборское в ночь. На дно заветного сундука положила она бересту с краткой надписью: подожди меня.

Вечеру дочь воеводы босиком прокралась в конюшню,

перестременала Стожара, замотала полотном его копыта, чтобы не стучали гулко, да пустилась вскачь через бор и через рощу. Единственным сообщником её был Буян, который был готов жизнь отдать за свою государыню: он открыл ей потайные врата, да раздал поручения другим караульным, чтобы не заметили отъезда.

Трудно садиться в седло в своей обычной одежде: пришлось замять бархатный подол на сторону, чтобы удобно закинуть ногу в седло, да и босой ногой было несподручно опираться на золоченое стремя. Ехать через рощу и бор – и того сложнее, ветви задевали то ленты, то саму косу, то и дело обдавало холодной росой, зато какой царил аромат: запах юной клейкой листвы, терпкого березового сока и первых душистых трав. Растущий месяц над головой, словно верный небесный страж, указывал путь. Вот и мост, за ним тропка, за ним потайной въезд. Если прочёл бересту мою, значит ждёт....

Вадим прочел бересту, но подумал, что Зарислава просто придет вслед за гонцом, но её всё не было. Так неужели явится ввечеру? Как, одна сквозь дремучий бор?!

Княжич стоял в раздумьях у потайных врат и любовался едва взошедшим месяцем, когда вдруг увидел, что по мосту мчится белый конь, потряхивая гривой, словно гордился прекрасной всадницей своей.

– Зари, ты! Зачем же было?

Она смеялась в ответ.

– Не усидела в тереме своем, голоса соловьиные спать не давали.

Нареченный открыл ей ворота и осторожно ссадил с коня, а затем вдруг стал поправлять растрепавшиеся во время езды волосы, но неосторожно потянул одну из прядей, зацепившуюся за чеканный перстень в виде волка. Гдана почти что вскрикнула.

– Прости... как же я так. Больно было?

Висок зарделся огнем, но Заряна ответила.

– Нет, ни капли.

В лазоревых очах Вадима отражался лунный свет, она приникла на грудь его, чтобы вновь почувствовать родное тепло.

– И не страшно было одной через бор и рощу?

– Не страшно, я же веверица. Бор – мой дом.

– А если бы веверицу ястреб поймал, да в когти?

– Не родился еще тот ястреб. Леля ради Финиста тысячу вёрст прошла, Буря Яга её хранила, и меня сохранит.

– Рукава распустила... Как лебедь... как Дива Дыевна... мать всех Солнц.

Княжич умолк и вдруг воскликнул торопливо:

– Зарислава, роди мне сына!

Ланиты девы зарделись, как розан, она закрыла лицо своими белоснежными дланями:

– Скоро... скоро по великой воле продолжим Род.

– Пора тебе, в тереме хватятся.

– Не волнуйся, Буян на часах, он придумает что-нибудь.
– Всё равно, поезжай, пока ещё месяц светит.
– Избавиться от меня хочешь? Ничего, после вено уже избавишься.

– А если опоздаешь в терем, то не увидишь подарки.

Вадим поцеловал свою ненаглядную, помог сесть на коня и пошел было открывать ворота.

– Не трудись, княже! Низкая у тебя калитка, перемахнем и так.

– Зари, услышат!

– Пусть слышат, скоро все только наши имена слышать и будут.

Она рванула упряжь, Стожар заржал звонко. Дочь воеводы гаркнула не хуже любого отрока:

– Пошёл, Сивко!

И в мгновение ока была уже по ту сторону врат.

Дорога назад казалась уже не такой тяжелой: светил месяц, соловьи радовали предрассветной трелью, тропки и стежки были уже знакомы, а по левую руку что-то белело. Теплая и дружная выдалась весна, вот и они появились так рано – цветы Велесовы, нежные ландыши.

Зарислава вернулась, когда уже занимался над бором рассвет. Буян отвёл Стожара на место, а его государыня осторожно прошла в свою светлицу. На подворье стояла тишина, которую нарушил затем лишь клич воеводы, который засветло собирался к князю. Усмехнулся в густую бороду Веловой,

увидев на своем Стожаре золоченые дочерины стремена, да ничего не стал сказывать.

В месяце эйлете стоял пир горою, пир горою у стен Светлояра-града. Во главе стола сидел сам Велес, рядом с ним – Дива Дыевна.

Глава 12. Живины пляски

Солнце светило в слюдяные окошки уже совсем по-летнему, а с подворья раздавались звонкие голоса:

Коло яри светом зарим
Мару борем, благодарим
Ярило, Ярило, яви свою силу!

До светлого Живина дня оставалось всего несколько дней, но бойкая дворня уже желала отмечать велик день, кто-то даже выпускал легкокрылых голубей и востроглазых синиц с деревянной галереи.

Но впереди была еще Родоница – время почтить предков ушедших, озарить душу памятью. И в этот день решил дать последние наставления перед грядущим вено князь Гостомysl сыну своему:

– Смотри, Вадим, в этом ларце хранили мы стрелу, которой тебя посвятили в воины, еще при рождении твоём. Стрелю этой я когда-то предводителя ярлов поборол.

– Ярлов? Они тогда восставали?

– Да, сын мой... Княжеский род на защиту земель призван, врагов хватало всегда. Но воюем мы лишь за правое дело. Когда недруг у ворот, когда грозят семье твоей, да сквернят народ твой, лишь тогда берись за меч.

– Как заря полог тумана режет, стремясь подарить новый день, так и мы боремся с врагами Руси, с теми, кто желает лишить эти земли единства и лада.

Гостомысл улыбнулся:

– Ужели запомнил.....

– Запомнил, отец, с того самого утра и запомнил.

Князь обнял сына, затем прибавил:

– Отправили ли вено в дом воеводин?

– Матушка сказала, что проследит за каждым сундуком сама, всё в её покоях.

– Ужели оттаяла... ну дай Боги. Собирайся, скоро к волхам пойдем. Надобно предков помянуть по обычаю, прежде чем в новый день вступить.

Ввечеру зажглись первые костры – знаки тонкой грани между Явью, Навью и Правью. Ушедший из Яви не исчезает навечно, а навсегда остается с Родом своим:

«Летите, милые дяды,
Во имя мира, во имя лада!»

А тем временем в покои Семоледы проскользнула одна

ником не узнанная тень, а между тем опытное око различило бы в этой высокой фигуре коварную Радомару, которая всё-таки взялась исполнить Рарогову волю. Она торопливо открывала сундуки, пока не нашла тот, в котором лежало заветное зеркало, да нитка коралловых бус. Затем черноризница окропила их чем-то и прочла заговор:

– Именем Чернобога! Будут лишь слёзы да кровь в судьбе твоей, падешь ты в бездну!

Великое наказание ждет свыше того, кто в светлый день темными чарами ворожит, да некому было отвести руку неправую.

Тем временем в доме воеводы тоже поминали предков, да за полночь стали готовиться к празднику. Зарислава из невесты становилась вестой – готовой вступить в союз, знающей все тайны и обычаи Рода. Ей и вправду казалось и в бане, и когда ей уже перед рассветом заплетали косы, что под стройное пение своих подруг замирает на миг душа её, а затем словно белая лебедь, раскрывает сильные крылья, чтобы опуститься в объятия нареченного. Уже догорали на дворе огненные кола, и осветила мир розовыми ладонями-лучами её святая покровительница, когда гдана – будущая княгиня открыла доставленные ей сундуки. В своем красно-белом платье и высокой коруне смотрелась она в подаренное зеркало, а на прекрасной вые её алела нить кораллов.

Соберёмся на рассвете,

Чтоб восход увидеть Солнца,
Песнь ему споём, восславим
День прихода девы Живы!

У светлого храма Лады-Богородицы и светлых дочерей её собирался ликующий народ.

А в далёких варяжских скалах зацветает вереск в месяце эйлет. Всем по нраву эти темно-лиловые цветы с терпким медвяным ароматом. Вот и решили ярлы передать корзину вереска в подарок на первое вено прекрасной дочери новгородского воеводы Веловея.

Князь – хранитель града, но настоящий хозяин и защитник ему воевода, вот и решили соединиться оба Рода. Перед ликами Богов перевили алым платом волхвы мощную десницу старшего княжича Вадима с хрупкой шуйцей Зариславы Веловеевны.

Зари-Заряна-Зарислава – в своем бело-алом облачении похожа была на рассветный луч. Как всегда на первый взгляд – суровая, гордая и прямая, но мягкий и ровный свет струился из-под её пышных ресниц, когда украдкой смотрела она на возлюбленного своего. Две роскошных косы, раскинувшиеся по раменам, и ярко-горящая на солнце коруна на челе её всем давали понять, кто станет следующей матерью народа, государыней Новгородской.

А нареченный делал вид, что вовсе не глядит на неё. Прямой, гордый и храбрый – даже сейчас стоящий, словно не на

вено, не на поклон к Богам пришел, а ведет войско за собой или дозорный отряд собирает в поход. Ликом Вадим походил на своего отца Гостомысла – светло-лазоревые очи, русые кудри, тонкий и решительный профиль, как у бога-воителя Ильма Кресеня. Так наверное Кресень и стоял, когда вручали ему в жены деву-Златовласку: непривычно держать хрупкую девичью длань деснице, что еще недавно крепко сжимала чеканную рукоять меча.

Наконец они соединялись навсегда серебряными кольцами первого вено, которое через тридцать дней должно было быть скреплено настоящим союзом. Грядущее земли Русской лежало сейчас в этих трепетно сплетенных пальцах на алом платке.

Жрецы и жрицы пели стройным и звонкими голосами гимн Роду и богине Живе, затем за храмовым подворьем у самого берега Волхова разожгли костры за спиной молодой четы и трижды прокричали: Явь, Навь, Правь! На березах алели свитые на удачу ленты, кругом прыгали через костры с кличем:

Кто прыгнет высоко,
У того смерть далеко!

А Вадим и Зарислава словно растворились друг в друге, лишь на отдалении слышался им шум весеннего праздника. Для них всё коло мира вращалось в такт их дыханий, и отра-

жалось в очах. Пусть это было лишь первое вено – но оно же было первой песней матери Сва в начале их собственного пути.

Радость и лад царили везде, кроме души одного человека, брата Вадима – Рарога. Младший княжич отличался ото всех других, словно какой-то тайный огонь сжигал изнутри его. Казалось, что праздничные костры в честь его тризны зажгли, а в не честь свадьбы брата. Если бы ему дали волю, кинулся бы он на брата, сорвал бы священные одежды с волхвов, насильно овладел бы дочерью воеводы у всех на глазах. Кто только его таким сделал? Кто это морок в душе его поселил?

А между тем на подворье трапезничали, поздравляли молодых, славили Ладу и дочерей её прекрасных.

Гой, Лада-мати! Гой, Жива! Гой, Леля! Зима нам надоела, много хлеба поела. Вы Ярилу будите, из Ирия светлые вести несите! Слава Солнцу, Слава Роду, молодой ветви Древа Слава!

Глава 13. На пиру у Дыя

Легкими и светлыми были первые дни летня. Гостомысл пожелал, чтобы молодая чета оставалась в Новгороде до своего самого главного торжества. В Изборском же стали полки под командованием старших дружинников. Да и мыслимое ли дело, чтобы кто-то сумел нападать на дом княжеский, зная, что в нём великий праздник. Время было дары да при-

веты посылать, а не воевать.

Будь Летень Здрав! Собою Правь!
Летень Есть! Летень Здесь!

После первого вено Зарислава и Вадим еще не имели право делить ложе, но зато все дни проводили вместе: то рассматривали диковинные книги, привезенные царьградцами и мореходами из далекой страны Эйр, то переодетые и никем не узнанные смотрели, чем живет их родной град, что творится на пристани и на шумном торжище, то седлали своих коней и уезжали на берег Волхова на то самое место, где когда-то беседовал Гостомысл с сыном своим.

И вот в одно солнечное утро стояли они и любовались только что взошедшим солнцем.

– Мати Зари! За день новый благодарю!

– И она всегда тебя слышит?

Вадим обнял возлюбленную свою за плечи и поцеловал в волосы.

– Наверное, всегда. Матушка сказывала, что если всегда вставать По- Ра, то услышит и поможет весь Род светом ярким озарить. Была бы она сейчас с нами... матушка.

– Не горюй, ушедшие всегда с Родом, никому не дано покинуть своё древо.

– Никому...

И они стояли, обнявшись, да смотрели на то, как лучи рас-

светные играют на непривычно спокойной и прозрачной глади реки. Вдруг дочь воеводы шутливым тоном прервала молчание:

– А на главное вено я желаю коруну выше той! И кораллы чтобы не в один ряд, а в два!

– Значит выше коруну?

– Выше!

– Будь по-твоему, велю золотых дел мастерам, да сделают. А потом отведу тебя в густой бор, да прикажу всем веверичам лесным поклониться своей государыне.

– Если я их государыня, то ты их князь.

Зарислава звонко рассмеялась. Но тут они оба обернули очи на бегущего к ним гонца. Княжич окликнул его:

– Что там у тебя, Прозор?

– Князь в главный покой вас зовет, вести важные,— ответил гонец с торопливым поклоном.

Будущей княгине было велено идти в свою светёлку, а старший княжич уверенным шагом поспешил к отцу.

Гостомысл встретил сына у открытых ставен, в руках его была какая-то береста.

– Брат твой, Рарог, зовет меня к себе погостить. Сказывает, что охоту подготовить для меня желает.

– Да какая же в летень охота? Волхвы завет дают зверя не трогать. А меня он часом не звал?

– Нет, лишь пожелал здоровья да веселья.

Вадим молчал, но взгляд его был настолько красноречив,

что князь молвил:

– Не могу я в такое поверить, не бывать такому в доме нашем никогда! Не станет сын врагом отцу своему и брату... Видать вразумили его Боги, принял наконец данное. Соберусь я в охотничье городище, погощу там несколько дней, с собой возьму пятеро караульных.

– Негоже тебе, княже, одному без дружины из града выступать!

– Оставь, не на войну еду, а к собственному сыну! А дружина здесь нужней. Зариславу свою береги, с Веловеем каждую зарю объезжайте торжища, да огородникам накажите стены на западной стороне подправить.

Прощаясь с отцом, чувствовал Вадим, как какая-то неведомая тревога теснилась в груди его между ладою и лелей. Хотелось внезапно стать и мечом преградить дорогу, да только никто помешать самому князю не мог.

Гостомысл выехал с заставы верхом с пятью караульными. Двигался отряд неторопливо, князь порой останавливался в знакомых и памятных ему местах и думал о тех днях, когда еще малы были его сыновья, и мир и лад еще царили в доме. Первенец искренне радовался рождению младшего брата, твердил, что станет его от врагов защищать. А вечерами маленький Рарог улыбался в колыбели, да тянул пухлые ладошки к Вадиму, пришедшему пожелать доброй ночи ему и матушке. И что же стряслось? Что увело из дома благо и радость? Вот с такими мыслями подъезжал князь к малому

охотничьему городищу.

Младший княжич приказал зажечь факелы в честь приезда князя, и сам вышел встречать его у распахнутых врат.

– Здравствуй, отец. Давно мы с тобой не виделись, не говорили. Здорова ли матушка? Привет мой Вадиму и Зариславе передал?

Гостомысл спешился и обнял сына.

– Здравствуй. Государыня Семолада здорова, молодые тебе привет шлют.

– Что-то ты неласков, отец? Али встрече не рад?

– Отчего же не рад... Рад... Да только странный повод. Сам посуди, какая в летне охота?

– Да я вовсе не об охоте мыслил. Проедемся по дубравам да борам, как в старые времена, поночуем в шатрах, потешим свою удаль – на то и летень.

– А отчего брата тогда не позвал?

– Ну ему сейчас не до того, главное вено впереди.

Гостомысл смотрел на своего младшего и думал:

– Неужели он всё понял наконец, и исчез проклятый морок? Хвала Богам, позади наши черные дни, нет мятежника в Роду нашем, а есть верный друг и соратник.

– Так что, отец, приказать мне готовить шатры?

– Приказывай.

Они выступили в полдень и решили разместиться на одном из широких лугов за бором. Солнце ярко светило, верховая прогулка радовала, беседа велась легко и неспешно.

Князю казалось, что и сам облик Рарога изменился: вместо пепельных вновь стали русыми его кудри, очи были не жестокими и холодными, а такими же, как у Семолады – карие с мягкой поволокой.

Наконец, остановились всадники там, где пожелали провести трапезу, под сенью родных деревьев. Рарог приказал слугам накрыть стол в шатре, и не прикоснулся к кушаньям, пока не получил благословение отцово.

– Скромно живешь, сын, а я поди думал, что свою часть казны растратил.

– Мы – воины, к простому быту приучены. А если ты про то, отец, что я не подал яств, достойных князя, так прикажу подать самого дорогого вина, что мне из Царьграда прислано было.

В шатер вошла девушка в белой рубахе и зеленой поневе, рыжие пряди крупными кольцами вились по плечам её. В руках она держала поднос, на котором стояло два серебряных кубка с вином: один был украшен изумрудом, другой – рубином. Кубок с рубином был подан Гостомыслу, с изумрудом – Рарогу.

– Ну что, сын мой, во Славу и Здравие Рода нашего чашу поднимаем!

Младший княжич лишь пригубил вино, а вот отец испил из своего кубка до дна. И почудилось Гостомыслу, что в про свете между пологами шатра занялся огнём высокий бор, помутнело лазоревое небо, а затем и вовсе почудился крик во-

рона вдали. Хотел князь было встать со своего места, да выйти на воздух, но внезапно пошатнулся и упал на мягкий ковер: из уст его алой рекою струилась кровь.

Рарог сидел на своем месте недвижимый, как царьградское изваяние, взор его был холоден и темен, как у самого Вия!

– Ступайте, убейте тех четверых, а пятого снарядите гонцом в Новгород. Пусть привезет брату свадебный подарок! Да с почестями снарядите, под знамена поставьте, да корзно укройте! Радомара, молодец, хорошо послужила!

Верные слуги сложили головы рядом с господином своим, а пятый – тот самый гонец Прозор был отправлен в Новгород с телом князя. Знал дружинник, что когда братья по оружию узнают о мятеже, то не пропустят его живым через Волховскую заставу.

Бог Дый слал в семь концов весть о том, что желал с Велесом помириться: пир готовил, ковры расстилал, вино в чарки наливал. Да досталась Велесу чарка зелена вена пополам с отравою. Сомкнул он глаза в Яви, а открыл в Нави перед Виевыми черными очами. Кто же его светлого сумеет вызвать?

Глава 14. Кровавая заря

Старшая дружина готовилась к рассветной смене, когда вдруг к Волховской заставе подъехала странная повозка, накрытая корзно. Воины узнали Прозора, правившего ло-

шадьями, и стали расспрашивать его. Вначале гонец молчал, потупив в землю очи, затем молвил о том, что младший княжич совершил невиданную измену: убил князя и его карательных, а самого Прозора отправил в Новгород с этой ужасной вестью.

В воздухе повисло молчание. Затем один из молодцев взмахнул мечом с кличем:

– Кто привез весть об измене, и сам изменник.

Голова принесшего дурную весть скатилась к подножию заставной башни.

Над прекрасным Новгородом, над дивным белокаменным градом вставала тревожная алая заря.

Что же было дальше? Дальше весь град за мгновения пробудился: дружина ринулась к княжьему терему, загудел всю колокол на площади, на устах толпы звенело:

– Долой изменника! Долой врага!

Первым о случившемся узнал воевода Веловой, но даже в его многомудром челе не нашлось слов о том, как поведать обо всём Вадиму: отец убит, брат занял и сжег Изборское, вместо вено в ворота рвалась война.

Но старший княжич узнал обо всём еще до того, как гонцы воеводины ступили в его терем. Его разбудили крики полка, под командованием Буяна с криками: престола Новгородского достоин один князь, государь наш Вадим Храбрый! Не пустим в город Рарога!

Храбро и решительно был настроен старший Гостомыс-

лович на праведный бой, но однако битвы между братьями и раскола русских земель не желал мудрый воевода. Веловой понимал скорбь и горе, на которое Рарог обрёл весь Род, но еще одна гибель запутала бы судьбу всего народа.

Они стояли в главной светлице.

– Нельзя медлить, дядька Веловой, нельзя! Враг у ворот. Уже все, кто мог оружие взять, взяли его. Дадим бой у Волховской заставы, и да и дело с концом!

– Малыми силами?

– А на что надеяться, если Изборское в огне, ярлы к Рарогу переметнулись. Ждать подмоги неоткуда, вся надёга лишь на самих себя.

– Вадим... Против брата идешь...

– Не брат он мне, раз с отцом так обошелся. Нет места изменнику в Роду нашем. Буян, стягивай полки к стенам!

Не вслушивался в слова своего наставника Вадим, лишь торопливо поправлял перевязь двуручного меча, да думал, с какой речью поведет на битву своих храбрых воинов. Видят Боги, и он не желал войны... Но где тут быть миру? Но вдруг на мгновение умолк для слуха его и звон стали, готовящейся подняться на врага, и глас колокола – из-за дверей гридницы раздался звонкий голос Зариславы:

– Откройте, откройте же!

Кто бы мог подумать, что своими хрупкими дланями оттолкнет она двух дюжих молодцев, что не посмеют они противиться ни её приказу, ни строгому взгляду, а уже в следующую

щее мгновение предстала дева перед нареченным своим.

Гдане не спалось в ту ночь. А под самое утро снилось ей, что черный коршун клюет грудь белой лебеди. Распахнула она очи, да увидела кровавую зарю, а с подворья раздавался колокол. В чем была, в том и полетела в княжеский покой:

– Вадим, стой, позволь и мне обрядиться отроком, да выйти на поле брани! Позволь стать правой дланью тебе и отомстить за смерть князя!

– Как ты здесь оказалась? – княжич с удивлением оглядывал свою невесту. Заряна стояла в рубахе, наскоро накинутой поверх исподнего, русые волосы, не заплетенные в косу, разметались от быстрого бега, а неприбранные под запястья рукава напоминали лебединые крылья. Ну ни дать ни взять, Дива Дыевна, только меча не хватало.

– На рассвете я почуяла в воздухе бурю, вот и примчалась... Я молю, перед Богами молю, позволь взять любое оружие и помочь тебе!

– Зари, да что ты такое удумала? Постыдись, негоже так будущей княгине себя вести... Ступай в покой, жди меня там.

– Жена воина должна всегда и во всём разделять участь его!

– Да, это так... Но еще ровно день до нашего вено.

– Вадим, мне страшно... Я взяла их у волхвов и хотела сейчас, при отце... – и тут только увидел княжич алые шнуры, зажатые в тонких перстах любимой. На этих шнурах ви-

сели свадебники, те самые, что превращают вено в союз.

– Зари, нельзя без волхвов!

– Мне разрешили... Ты только подумай, какая у Рарога сила, там чернокнижники одни... А ты вспомни их силу – тут она приподняла обереги.– Пока жив один, жив и другой, алую нить Лады даже Боги порвать не в силах!

– Ну что за речи! Мне к воинам пора... Хочешь, жди меня здесь с отроками, но из терема не выйдешь.

– Как же так?

– На рассвете я вернусь к тебе, обещаю. Вернусь и обвенчаемся.

С этими словами юноша мягко отстранил деву, уже было готовую силой надеть ему свадебник, отчего раздался тонкий и пронзительный звон серебра, так как обереги ударились один о другой. Затем он строго посмотрел на неё своими лазоревыми очами.

Гдана снова встала перед ним, со слезами на глазах молвила:

– Надень же! И рубаху возьми ту, что я шила для брани!

– Да понимаешь, не время! Сейчас битва, потом тризна, а потом вено и княжение. Мне к воинам пора, а тут...

И уходя, повелел храбрый князь запереть и стеречь гридницу, из-за дубовых дверей которой слышался плач и крик Зариславы: «Отец мой, не дай ему уйти! Вадим, душа моя, вернись!». Еще пару раз с силой ударилась гдана в дубовые двери, корила себя, что надо было лечь головой на порог, но

не отпустить. В своем бессилии она опустилась на скамью и оросила слезами священные символы Лады и Сварога, которые всё еще крепко сжимала в руках.

Вадим же шел вперед по галерее к лестнице, мысли ро-ем клубились в челе его: битва впереди, отец в храме Мары, Зариславу вот обидел. Разве другая бы прилетела в покои? Нет, другая бы скорее под скамьей схоронилась. Крики эти, эти слёзы разрывали ему сердце, неумолимо хотелось поворотить назад, надеть свадебник, переменить рубаху, да даже позволить ей выступить среди знаменных полков... Но негоже, негоже, что станут говорить о князе, что пошел на поводу у девы? Мало ли что там на сердце, прежде – долг.

Какой же была та страшная битва, что прогремела за стенами? Скрыли её от нас, сожжена береста тех летописей, сколоты со всех храмовых обелисков руны, даже сами имена участников сражения ныне для нас сохранили в другом порядке. Но запомнила ту сечу белокаменная застава, и стальные сосны, качаясь на ветру, не раз поведают о ней.

Вначале войско Вадима с невиданным пылом ринулось на противника, отчего многие воины Рарога бросились бежать или выронили стяги, но затем вдруг с реки потянулся густой туман. Этот туман застилал взоры воинов, мешал дышать и путал мысли. Вот каким оно было, страшное оружие черно-книжников!

Однако среди этого морока тот, кому престол и рука Зариславы, принадлежали по праву, решил найти и наказать мя-

тежного брата. С двумя верными отроками Вадим ринулся в самую гущу схватки и оказался лицом к лицу с Рарогом, когда вдруг ему почудилось, что за спиной зазвенел голос Зариславы: «Душа моя, обернись!» И он поверил, и обернулся, в ту же минуту меньшей брат нанес ему предательский удар мечом в спину, и закрылись навсегда лазоревые очи храброго княжича.

Но врагу мало было одного подлого поступка! После Рарог приказал взять штурмом кремль и городище, а затем вывести к нему на площадь Зариславу. Но та видела всё с высокой стены...

С великим трудом удалось ей выйти из гридницы: отроки берегли ее, как зеницу ока, и не открывали двери. Но потом дева сказала, что желает пройти в свой покой и ждать жениха своего в праздничном уборе, тогда ей отворили. Но побежала Заряна не в покой, а по ту сторону стен, где стояли лучники. Ликовало сердце ее, когда белые знамена взяли верх, замирало, когда пошел проклятый туман, облилось кровью и слезами, когда увидела она на багряном плаще поверженного Вадима: «Душа моя, как же так? Как ты мог меня им оставить? Почему не послушал?» И почудилось тут дочери воеводы, что уже тянут к ней руки нечестивые ярлы, волокут за косы на площадь, силой бросают к подножью кровавого трона Рарога. Вспомнила Зарислава эти жестокие длани, эти стальные очи, и поняла, где искать ей спасения... Да внизу, внизу же, шумит холодная река своими гордыми волнами.

Прими меня, Волхов! Прости меня, мати Зари, не оправдала я имени твоего!

С этими словами бросилась она в воду, трепал ее косы ветер, затем поглотили волны, но не видела уже этого сама Зарислава. На устах ее трепетало имя Вадима, и перед очами стоял его облик. Вот он сжимает её хрупкую руку, поправляет меч, улыбается, а затем заключает в объятия и не отпускает никогда.

Эпилог

Веловой и Буян стояли в храме Мары перед расстеленными полотнами. На одном из них лежало тело Вадима, на другом – его отца. Жрицы пели звонкими голосами, да чинили волшебными иглами тонкие тела.

Явье тело умерло – пойдет в огонь. Жарье если не починить, то не будет в Роду светлой памяти. Навье и Клубье еще сорок дён будут живы, явиться могут. А вот Дивье, Светье и Колобье после светлого пламени костра священного перейдут к Роду, да в древе на своих местах прочно встанут.

Было в храме и третье полотно, оно – пустовало. Кручинился воевода о том, что не нашли в бурных водах Волхов-реки тела гордой и прекрасной дочери его. Но одно было ему известно: Боги обратили Зариславу в берегиню, которая вечно будет нести любовь, благо и свет Роду.

Перед челом властительницы Темного мира, перед закры-

тым ликом Черна Мати, поклялись Веловой и Буян отомстить за оскорбление и мятеж. И была еще одна битва, из которой они уже не вернулись.

Кто теперь нам ответит, было ли это правдой? Мы потерялись в сплетении сказов и легенд, но одно знаем точно. предатели за своим поступки всегда ответят перед Богами, а наш удел – славить имена Вышних, да воспеть хвалу вечной и негасимой любви, зане пошла земля Русская от дыхания Рода и благословения Лады.

И бывает так, что крест Ладин снова раскрывает над тобой небо, и заря режет полог тумана. Вдруг неспешно пробуждается память, и своими очами медленно тонешь вдруг в родных лазоревых очах, пробуждаешься в сильных дланях. А затем мы снова об руку ступаем по прекрасным зеленым лугам, любимся гладью реки – и на одном из перстов снова блещет серебряное коло. Мысли в челе бьются крылами, заставляя глаголить о том, кем мы были раньше, а затем и во все рука берется за перо, да сплетает стройные строки. Пусть Дебрянск – пусть не Новград, пусть Десна – а не Волхов, мы живы, мы идём по Родной Земле и готовы завершить всё, что не успели тогда **ВО БЛАГО НАМ И НАШЕМУ РОДУ.**